

© 2004 г.

В. Х. БЕЛЕНЬКИЙ

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

БЕЛЕНЬКИЙ Владимир Хононович - доктор философских наук, профессор кафедры социологии, политологии и правоведения Красноярской государственной академии цветных металлов и золота.

Проблемы интеллигенции, ее роли в жизни современного общества не могут не волновать общественность вообще, научную общественность в особенности. Это естественно: речь идет об одной из самых многочисленных и весьма значимых социальных групп.

Анализ интеллигенции строится мной на основе следующих принципов: 1) ее объективность; 2) необходимость рассматривать в системе общественных отношений; 3) лабильность соотношения профессиональных, мировоззренческих, идейно-политических, нравственных характеристик; 4) особое внимание к выполняемым функциям. С этих позиций кратко остановлюсь на вопросах генезиса интеллигенции, ее функций, структуры [1].

В России интеллигенция стала зарождаться в середине и быстро умножаться во второй половине XIX в., когда в стране наметился решительный поворот к капитализму. В обстановке острейших социально-экономических противоречий *разночинная* интеллигенция в своей значительной части (но отнюдь не в большинстве) стала оппозиционной по отношению к самодержавию, революционной. Это обстоятельство, закрепленное в традиции, сыграло большую роль в истории нашей страны.

Связанная со спецификой развития России особенно высокая общественно-политическая активность гуманитарной интеллигенции в известной степени отражает некую интернациональную закономерность, которую часто не замечают, хотя она выражена даже этимологически. Не случайно Ленин немецкое слово "литератор" переводил как "интеллигент", а М.П. Фуко фигуру интеллектуала-специалиста противопоставляет интеллектуалу универсальному, который был "по преимуществу писателем: всеобщей совестью, свободным субъектом..." [2]. Понятия "литератор", "писатель" и т.п. в данном случае являются неким символом прежде всего гуманитарной интеллигенции, которая долгое время доминировала среди других групп интеллигенции. И это вполне объяснимо. Во-первых, именно гуманитарные фракции интеллигенции стали возникать раньше других, так как они имели наиболее представительных предтеч в предшествующие эпохи. Во-вторых, на ее долю выпала историческая работа подготовки населения к утверждению буржуазного строя. В-третьих, она вынесла основную тяжесть острой идеологической борьбы, без которой были немислимы ни утверждение капитализма, ни пролетарские штурмы его бастионов.

Однако с течением времени произошли принципиальные изменения. Гигантски выросла производственная интеллигенция. Для всех ее групп, включая гуманитарную, на первый план стали выходить профессиональные проблемы. Роль *всей* интеллигенции в развитии технологии, экономики, управления, культуры быстро возрастала, а роль в революционных, демократических, социальных движениях все чаще оказывалась обратно пропорциональной ее *массовости*. Но это - свидетельство не уменьшения, а, скорее, изменения роли интеллигенции и все большего значения ее *связи с массами*.

Корни этих идей содержатся в работах Ленина, но не получили достаточного развития в отечественной литературе. Они в известной степени представлены во взглядах М. Фуко, даже не употреблявшего слова "интеллигенция", а писавшего об интеллектуалах. Но что такое "многоликое сообщество интеллектуалов", если не интеллигенция? В своих заметках об интеллектуалах он делает упор именно на специализированные группы интеллигенции, а не на поборников высоких идей и принципов. Он пишет: "...роль интеллектуала-специалиста должна становиться все более значимой в соответствии с той разнообразной политической ответственностью, которую ему волей-неволей приходится брать на себя в качестве атомщика, генетика, программис-

та, фармаколога и т.д..." Характерны также перечни специалистов: "государственные служащие и психиатры, врачи и социальные работники, сотрудники лабораторий и социологи"; инженеры, должностные лица, преподаватели.

Фуко полагал, что сменилась форма союза интеллигенции с массами, но сам союз считал необходимым. Большое внимание уделяет он соединению качеств специалистов и защитников своих интересов как условию сплочения интеллектуалов, их единства с массами. Его интересовало, как изменяется социальное бытие интеллигенции и как меняются в связи с этим ее функции, отношения с массами и властью.

Функции, выполняемые интеллигенцией, не остаются неизменными. Эти изменения все чаще связаны с возрастанием значения интеллектуальной собственности. Данное обстоятельство привлекло внимание многих ученых. По мнению А.М. Орехова, существуют три основных типа собственности: вещественная, интеллектуальная и собственность на управление. Он выдвинул принцип доминанты, в соответствии с которым предметная вещественная собственность и собственность на управление безусловно доминируют над интеллектуальной. "Отсюда следует: а) интеллектуал, одновременно являющийся управленцем, *обычно* ведет себя как управленец; б) интеллектуал, одновременно являющийся "предметным" вещественным собственником, *обычно* ведет себя как вещественный собственник..." [3]. Поэтому, если чиновников и можно отнести к интеллигенции, то с большими оговорками. Так же обстоит дело с предпринимателями и со значительной частью менеджеров, юристов, лиц свободных профессий. Ясно, что демаркация между интеллигенцией и другими социальными группами относительна, и это подчеркивает важность определения интеллигенции.

Интеллигенция объективна, и ее дефиниция не может включать в себя никаких субъективных признаков. Для решения задачи использован наиболее простой и распространенный логический прием - определение понятия через ближайший род и видовое отличие. В таком случае *интеллигенция - социальный слой людей профессионального умственного труда высокой квалификации, требующего специального образования, высокой культуры и выполняющего наиболее сложные общественные функции.*

Россия без интеллигенции?

Ныне широко распространена точка зрения, согласно которой интеллигенции в России вообще нет. Так, по мнению Б.С. Орлова, интеллигенция - не реальный, а мифологический феномен [4]. Автор якобы доказывает это методом аналогии. Он выделяет определенные характеристики мифа, а затем пытается экстраполировать их на интеллигенцию. Однако Б.С. Орлов явно абсолютизирует избранный прием, да и использует его таким образом, каким ученик подгоняет решение задачи под известный ответ. Сами признаки мифа, якобы присущие интеллигенции, мягко говоря, не корректны. Одни из них маловразумительны (например, "миф имеет отношение к реальности". А что в обществе не имеет отношения к действительности?). Другие неверны или неопределенны (топографическая ограниченность мифов). Третьи не только неверны, но и фактически не распространяются от модели на оригинал (антикаузальность). Исторический и социологический анализ интеллигенции Б.С. Орловым не качественнее логического. То, что он повторяет за И.В. Кондаковым и другими авторами (своеобразие русской интеллигенции, не имеющей аналогов среди интеллектуалов Запада; русское происхождение слова "интеллигенция" и т.п.), вызывает большие сомнения [5]. Его историческое видение ограничено преимущественно взаимоотношениями и взаимопревращениями интеллигенции и бюрократии. С этих позиций Орлов и вносит своеобразный вклад в обществоведение. Так, он пишет: "разрозненные маргинальные группы разночинцев, из которых сформировалось политическое движение народников, начали предъявлять претензии на управление государством, представляя своих участников как потенциальных претендентов на власть, т.е. фактически как контрбюрократию. При этом для самоидентификации они использовали новое модное слово "интеллигенция". Иначе говоря, один из самых героических, самоотверженных и идейных отрядов русской интеллигенции представлен как группа карьеристов, рядившихся в одежды интеллигенции и борющихся за синекюры. Так же он относится и к последующим поколениям революционной интеллигенции. Октябрьская революция трактуется им как продолжение поисков все тех же контрбюрократов. Революция носила контрбюрократический характер, основная часть народа играла в ней подчиненную роль. Мифическая интеллигенция, т.е. контрбюрократия, без народа не смогла бы победить: она была слишком мала. Первоначально ее надежды не сбылись: власть сама стала конструировать интеллигенцию, какая ей была нужна, а нужна была ей чисто функциональная масса. Однако метаморфоз контрбюрократии - интеллигенции все же произошел: она су-

мела-таки стать правящей партийной бюрократией, возглавив общество, вся социальная структура которого, включая интеллигенцию, была сведена к ничему не значащим идеологемам.

Описывая финишный этап развития советского общества, Б.С. Орлов подчеркивает, что бюрократический класс деградировал, выродился, бюрократическая система устарела. Между тем появился потенциальный субъект исторического действия - громадный слой образованных людей. Кроме того, значительно выросли доходы населения. Поэтому в конце 70-х гг. появился "средний класс". Он мог-де стать опорой реформ, необходимых стране. "Однако действительность стала развиваться по самому худшему сценарию. Дряхлеющая и криминализирующаяся партхозноменклатура в качестве союзника выбрала контрбюрократию крайне прозападного толка. Впоследствии к ним примыкает быстро растущий и крепнущий криминалитет. Возникает небывалый в истории альянс, который можно было определить как номенклатурно-диссидентский (!). После августа 1991 г. он стал правящей силой. Начался очередной слом сложившейся социальной структуры (мифической?! - В.Б.), размывание "среднего класса" и беспрецедентная по масштабам маргинализация населения". Миф об интеллигенции заменяется мифом об элите. Общий вывод автора: миф об интеллигенции как реально существующей или существовавшей социальной группе завершает свое существование.

Статья Б.С. Орлова - субъективистская фантазия на тему интеллигенции. Автор, видимо, не понимает, что существование интеллигенции объективно обусловлено. Назовите интеллигенцию контрбюрократией, интеллектуалами, кем угодно - она от этого не исчезнет и не появится. Другое дело, что ее объективные параметры и субъективные характеристики не останутся неизменными и в разных странах различны.

Менее оригинальной, более распространенной, но столь же несостоятельной является точка зрения, согласно которой Россия - увы! - лишилась интеллигенции. Можно назвать немало известных социологов, разделяющих эту точку зрения. Среди них проф. Р.В. Рывкина. В одной из ее работ имеется специальный параграф «Социальный слой "интеллигенция" ушел в прошлое» [6]. На основании каких аргументов хоронит доктор экономических наук Р.В. Рывкина тот слой, к которому принадлежит сама? Прежде всего, она дает усеченное и весьма произвольное понятие интеллигенции: "Интеллигенцию как слой общества можно трактовать в двух смыслах: 1) как социальную группу высококвалифицированных специалистов, имеющих высшее специальное образование; 2) как социальную группу, выполняющую особую, а именно гражданскую функцию - политического просвещения "масс", народа, общества и защиты их интересов от аппарата власти, чиновничества, склонного посягать на интересы народа". Спрашивается: интеллигенция выполняет только одну, "гражданскую", функцию? А каково ее место в исторически определенной системе общественного производства? Различие между физическим и умственным трудом уже исчезло? Устарела ли мысль Ленина о том, что без интеллигенции современное общество невозможно? Все эти вопросы эконом-социолог Р.В. Рывкина просто обходит. Она занята поиском доказательств исчезновения интеллигенции. Так, она пишет: "В годы перехода к рынку работники умственного труда высшей квалификации стали обозначаться выразительным понятием "бюджетники". В состав бюджетников нынче входят не только высококвалифицированные, но и все другие работники таких сфер, как образование, культура, здравоохранение и т.п. без их подразделения по уровню квалификации. Уже одно это означает, что интеллигенция в ее старом, советском смысле ушла в прошлое". Но, во-первых, производственная интеллигенция, а это не только важнейший, но и крупнейший отряд интеллигенции вообще, в состав бюджетников не входит. Во-вторых, в чем он, "советский смысл" рассматриваемого понятия? Не лучше ли говорить о научном смысле? Во всяком случае, если сказать, что интеллигенция исчезла, поскольку ее переименовали в "бюджетники", то это чистой субъективизм.

Р.В. Рывкина пишет, что исчезновение интеллигенции связано с причинами тройного рода - политическими, экономическими и социальными. "Главная политическая причина - интеллигенция пошла во власть, стала властью". Что имеется в виду - неизвестно, ибо автор ограничивается этим сообщением. А в советское время руководители страны или регионов были без образования? Кому принадлежит власть в России - учителям, врачам, ИТР, библиотекарям или крупнейшим капиталистам, директорам, бюрократам? От того, что доцент А.Б. Чубайс стал сначала министром, а затем руководителем крупнейшей монополии, исчезла интеллигенция? От того, что кандидат наук В.В. Путин или академик Румянцев пошли во власть, не стало интеллигенции?! Каждый год российские вузы выпускают более полумиллиона молодых специалистов. Какую социальную группу они пополняют?

Читаем дальше: "Экономическая причина - интеллигенция представляет собой категорию, статус которой базируется на государственных субсидиях. Сферы ее занятости - наука, культу-

ра, здравоохранение - во всех странах мира существуют за счет поддержки государства. Отказ постсоветского государства в России от его обязательств перед интеллигенцией привел к заметному ухудшению ее материального положения". Во-первых, *интеллигенция занята во всех сферах общественной жизни, прежде всего - в производственной*. Во-вторых, при капитализме интеллигенция кормится главным образом из рук крупной буржуазии, а также за счет субсидий государства, выражающего интересы в первую очередь той же крупной буржуазии. В советском обществе основным (но не единственным) источником ее существования был государственный бюджет. Постсоветскому обществу, влекомому к капитализму, присущи различные источники материального обеспечения интеллигенции, образующих ее слои и группы. Постсоветское государство не полностью отказалось от содержания интеллигенции, причем небольшую элитную ее часть окружает "теплом и заботой". В целом же материальное положение интеллигенции в новой России резко ухудшилось (хотя интеллигенция и пошла во власть!). Верно констатируя это, делая более-менее правильные выводы из факта обнищания интеллигенции, Р.В. Рыбкина приходит к очень странным заключениям. Она выделяет лишь одну реальную функцию интеллигенции - общегражданскую, утверждая, что идентификация интеллигенции с категорией "работники умственного труда" носит формальный характер, что в советский период интеллигенция воспринималась обществом только через эту функцию, через роль, состоявшую в критике тоталитарного режима, административно-командной системы [7].

Иначе говоря, субъективизм Рыбкиной оборачивается игнорированием грандиозного вклада советской интеллигенции в созидательную деятельность народа. Признается лишь негативистский аспект деятельности малой ее части. Существовал ли он в действительности? Существовал. Имел ли он положительное значение? Имел. Но считать этот аспект главной и единственной функцией интеллигенции просто несерьезно. Далее, автор доказывает, что интеллигенция "за что боролась, на то и напоролась": реформирование России пошло не тем путем, о котором мечтала демократическая интеллигенция (уже забыто, между прочим, что она стала властью и поэтому: а) ее не стало; б) она сама определяет пути!). Отсюда кризис интеллигенции - как экономический, так и идейный, ее драма. Получается нечто странное: интеллигенция ушла, ее нет, но она переживает кризис, драму... Не спасает позицию Р.В. Рыбкиной и положение о том, что нынешняя интеллигенция очень дифференцирована, что "социальная драма постсоветской интеллигенции относится в основном к ее демократическому крылу". Оказывается, значительная часть этого "крыла" - политики, госчиновники, высшие офицеры, ответственные работники силовых ведомств, министры и их "команды", дипломаты и пр. - затронуты привилегиями. «Если "по идее" интеллигенция - это слой, у которого основной приоритет не богатство (интеллигенция не имеет средств производства, однако это вовсе не означает, что она чужается богатства. - **В.Б.**), а духовные ценности, то понятно, что принятие привилегий приводит интеллигенцию в противоречие с ее традиционной ролью в обществе, вплоть до ее исчезновения». То есть, по уже знакомой нам логике, исчезнувшая интеллигенция опять-таки существует. К примеру, отмечается, что резко снизился профессиональный престиж научной интеллигенции. Так проф. Р.В. Рыбкина попеременно переходит от сетований по поводу сложностей бытия современной интеллигенции к утверждениям о том, что интеллигенции места нет в нашем обществе, что никто сейчас не выполняет гражданской функции, кроме депутатов Госдумы, губернаторов, отдельных деятелей искусства и литературы. То есть интеллигентные люди в России сохранились [8]. В действительности же в России имеет место очередная, уже третий, кризис интеллигенции¹. Этот кризис, его причины, природа, условия и пути выхода из него - предмет особого анализа. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что все разговоры об исчезновении интеллигенции не только ненаучны, но и не корректны с морально-психологической точки зрения: они дезориентируют высшую школу и молодежь, мешают ее профессиональному и гражданскому самоопределению. Чем больше твердят, что интеллигенции в России нет, тем больше травмируют интеллигенцию и отрывают ее от общества.

Интеллигенция без России?

У многих социологов и философов, отринувших материалистическую трактовку интеллигенции, заметна одна общая черта: они игнорируют диалектику объективного и субъективного. Объективное в интеллигенции отбрасывается, остается лишь произвольно трактуемое субъективное.

¹ Первый кризис происходил после первой русской революции, второй - после Октябрьской революции.

Субъективизм в трактовке интеллигенции в иной, по сравнению с рассмотренной, форме связан с тем, что сутью происходящих ныне в России перемен объявляется смена типа социокультурного развития. К чему это приводит при теоретизировании по поводу интеллигенции, покажем на примере статьи С.А. Магарилы [9].

На первый взгляд, С.А. Магарил подходит к российской интеллигенции более основательно. Он понимает объективную природу этого социального слоя, воспринимает его с функциональной точки зрения, однако допускает, на мой взгляд, ошибки в его оценках. Он высоко оценивает достижения естественно-научной и инженерно-технической интеллигенции и низко - деятельность социогуманитарной интеллигенции. Получается, что есть две интеллигенции - научно-техническая и социокультурная, находящиеся в разном состоянии. В действительности интеллигенция в функциональном отношении едина. Разумеется, это не значит, что свои многообразные функции она выполняет на одинаковом уровне. Однако если интеллигенция - нечто целостное, то ее части, различные профессиональные группы, не могут длительное время получать альтернативные результаты. А вот у автора это возможно. Как же он объясняет столь странную ситуацию? Коммунистический режим развивал и финансировал фундаментальные исследования, прикладные военные разработки; в общественном же десятилетиями насаждались официальная догматика и ортодоксия. "За это общество и расплачивается нищетою и деградацией". Доля истины здесь есть, но разве догматика и ортодоксия не влияли на развитие естествознания и многих сфер практики?

Далее С.А. Магарил подчеркивает особое значение социогуманитарной интеллигенции и ее деятельности. Это вытекает из его видения сути преобразований в России. Принципиальное отличие технико-технологической сферы от социально-политической - в разной массовости процессов, протекающих в этих сферах. Дескать, чтобы выйти в космос, были необходимы усилия 3-4 млн. специалистов во главе с выдающимися учеными и конструкторами. А вот для избрания хорошего президента нужны голоса 40 млн. граждан. "Есть ли в сегодняшней России столько убежденных сторонников демократии?" Перед нами односторонний, количественный подход, лишенный даже намека на обобщение. Выход в космос - крупнейшее, главное достижение советской эпохи, *всего советского народа*. Это интегральный показатель преимуществ социализма (даже такого, как советский) перед капитализмом. Это была победа технико-экономическая и идейно-политическая. Да, мы во многом отставали от США, но и продвинулись настолько, что первыми вышли в космос. Мы использовали преимущества плановой экономики, хотя нас ослабляли ее недостатки. Мы использовали прекрасную систему образования, колоссальный интеллектуальный потенциал народа, прежде всего - интеллигенции. Это было нечто совершенно несопоставимое с любой избирательной кампанией. И этот опыт советского прорыва в космос приводит к выводу: все избирательные кампании не могут быть действительно демократическими, демократия не может быть реальной, пока народ России не станет подлинным *субъектом экономического развития страны*.

Возможно ли это в принципе? Здесь я полностью расхожусь с С.А. Магарилом. Он полагает, что российское общество мало на что способно, ибо, прежде всего, у него отсутствует массовая политическая культура и ему присущ дефицит общенационального совокупного, массового интеллекта. Но что такое массовая политическая культура? В советское время существовало одно представление о ней, сейчас насаждается другое, адекватное западным стандартам. Последние вырабатывались сотни лет, нам же их хотят навязать за 10-15 лет. Считать задачи такого рода ключевыми значит руководствоваться иллюзиями и насаждать иллюзии.

Что касается дефицита общенационального интеллекта, то следует отдать должное С.А. Магарилу: чтобы сказать, что у российского народа мало мозгов, надо обладать чаадаевским мужеством. Но чем оказывается это мужество на поверку? А. Ваганов пишет: «что такое "интеллект" и "интеллектуальность" не знает никто до сих пор...» [10]. Причем речь шла об индивидуальном коэффициенте интеллектуальности (IG). А "общенациональный совокупный, массовый интеллект" - тем более нечто совершенно неизвестное. Можно ли оперировать такой категорией, даже не предпринимая попытки ее объяснить? С. Магарил приводит три аргумента, которые должны подтвердить дефицит интеллектуальности нашего общества. Два первых не только вызывают возражения по существу, но и алогичны. Ибо негативные явления, которые названы Магарилом, суть следствия многих причин, но автор объявляет их следствием лишь одной, причем самой неопределенной и не соотнесенной с другими причинами. Это нарушение закона достаточного основания. Третий же аргумент есть сумма личных, далеких от объективности оценок. Прок от него лишь один - он побуждает поставить следующий вопрос: почему была так эффективна деятельность передовой российской интеллигенции в начале века и так неэффективно функционирует "национальная элита" в современных условиях? Отмечу, что С. Мага-

рил тоже сталкивает интеллигенцию с бюрократией. В России следует усилить не бюрократическое государство, а общество. Для этого необходимо массовое освоение политической и правовой культуры демократии. Работу политического просвещения сограждан помимо интеллигенции, прежде всего социогуманитарной, выполнить некому. Это ее нравственный долг и обязанность.

Все это С.А. Магарил связывает с проблемой очередной российской модернизации. России, если, она хочет вернуть себе позиции в ряду экономически развитых стран, необходима модернизация. Но какая? На протяжении 300 лет предпринимался ряд попыток модернизации, но все они носили авторитарно-мобилизационный характер и были неустраимо ограниченными. В чем это выжалось? "Спустя весьма непродолжительный период реформы неизбежно выдыхались и свертывались. Реформаторам ни разу не удалось запустить непрерывный, самоподдерживающийся процесс экономической и технико-технологической динамики, обладающий органичной, внутренне присущей мотивацией и необходимой исторической устойчивостью. Необходимость вновь и вновь возвращаться к проведению очередной модернизации убедительно об этом свидетельствует...". Автор считает, что ключевой проблемой современной российской истории является переход от мобилизационных методов модернизации к инновационным. Ссылаясь на различные мнения, он устанавливает, что решать ее некому. Цитирует В. Дахина: "в безгражданском обществе нет субъектов перехода к новому состоянию". Это положение ошибочно, но симптоматично. В России действительно имеет место кризис движущих сил развития [11]. Но преодоление его реально лишь в случае, если 85% населения страны, отлученные от активного участия в экономическом развитии общества, получают возможность такого участия. Этот вопрос С.Д. Магарилом и не ставится; более того, он совершенно искажает историю, отождествляя труд народа при Петре I и при советской власти. По его мнению, "решающим условием перехода к инновационной модели модернизации является социально-политическая активизация образованного сословия России, как носителя национального интеллекта. Естественно, нынешнее состояние интеллигенции не внушает оптимизма. Но без активного участия интеллектуалов инновационное развитие невозможно в принципе... та социально-политическая позиция, которую осознанно выберет образованная часть общества, и определит дальнейшую траекторию национальной трансформации". Последним стратегическим ресурсом, которым располагает Россия, является интеллект (то, что говорилось о дефиците интеллекта и плохом его использовании в России, уже забыто?). Использовать этот ресурс в целях решения целого ряда политических задач, взять под свой патронаж массы населения в целях подъема их жизненного уровня, сформировать самостоятельную политическую позицию в процессе общественной и политической самоорганизации - вот задачи российской интеллигенции по С.А. Магарилу. "Решение подобных задач в принципе невозможно без активного участия носителей интеллекта - образованного сословия России". Именно образованные слои общества обязаны сформировать самостоятельную политическую позицию в процессе общественной и политической самоорганизации. Это позволит интеллигенции эффективно участвовать в осуществлении реформ. Вопрос о том, способна ли интеллигенция решить данную задачу, просто не рассматривается. Раз надо, значит способна. Тем более, что деваться некуда: политическая культура россиян низка...

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что перед нами совершенно иллюзорное представление как о стратегии развития России, так и об отечественной интеллигенции и ее роли. Ошибочно полагать, что интеллигенция - единственная общественная сила, которой предстоит собрать, воспитать, политически окультурить Россию и, в результате, обеспечить повышение уровня жизни народа, которому в отдаленном будущем отводится роль гоголевского героя, в чей рот галушки сами прыгают. Интеллигенция при таком подходе оказывается вроде бы для России, а фактически возле России, без России. Она не часть народа, хотя и сочувствует ему. Она думает не над тем, чтобы вместе с народом выработать оптимальную социально-экономическую программу развития страны и отстаивать ее, а над тем, как обучить народ демократическому "одобрям-су", осуществляемого курса. Потому-то и отличаются столь разительно по своей эффективности деятельность передовой российской интеллигенции начала XX века и деятельность теперешней "национальной элиты", что им присуще диаметрально противоположное отношение к народным массам.

Интеллигенция и Россия

Не будучи классом в марксистском понимании этого слова, интеллигенция дифференцирована не только в функциональном, но и в социальном отношении. Всякий класс буржуазного общества "вырабатывает свою собственную интеллигенцию... и берет себе также сторонников

и из числа всех и всяких образованных людей..." [12]. В этом ракурсе проявляются социально-политические и идеологические функции интеллигенции, взаимосвязанные с другими ее функциями и являющиеся профессиональными для социогуманитарной категории.

В современной России формируется социальная структура буржуазного типа. Это не может не сказываться на интеллигенции. Но происходящее с ней не имеет аналогов в мире. Современному обществу интеллигенция как целостный слой, выполняющий функцию развития культуры, досталась в наследство от советской эпохи. Однако все сферы и формы ее деятельности в большей или меньшей степени трансформируются. Под воздействием самых различных факторов происходят глубокие структурные изменения интеллигенции, усиливается ее социально-экономическая и идеологическая дифференциация. Это ведет к результатам, противоположным принципам социализма, и должно, как полагают правящие круги, вылиться в приобщение интеллигенции к новому строю. Процесс этот идет неравномерно. Успешнее всего формируется буржуазная интеллигенция: этому способствуют и крупные корпорации, и государство, и множество различных институтов - СМИ, образование и т.д. Медленнее протекает становление крестьянской интеллигенции: здесь сталкиваются интересы собственно крестьян, фермеров, городской и сельской буржуазии, чиновников, менеджеров. Не исключены рост противоречивости и интенсификация данного процесса. Практически не происходит формирования рабочей интеллигенции. Это объясняется рядом объективных и субъективных причин, прежде всего - тяжелым положением и состоянием рабочего класса [13]. Но возникает вопрос: разве среди российской интеллигенции нет социалистов? Сколько угодно. Однако в настоящее время далеко не все рабочие придерживаются социалистических идеалов, и уже поэтому многие интеллигенты-социалисты не связывают социализм с рабочим движением. Другие же представления не имеют, в чем состоят сегодня действительные интересы рабочего класса и какова их роль по отношению к нему. В буржуазном обществе своя интеллигенция нужна рабочему классу для борьбы, но в настоящее время он практически почти не ведет борьбы.

Значительная часть интеллигенции не структурирована в социальном отношении, существует сама по себе, является объектом борьбы наподобие той части электората, которая еще не решила, за кого будет голосовать. Это разные люди по многим параметрам, но как масса им присущ отпечаток мелкобуржуазности и маргинальности. Именно отсюда рекрутируется большинство специалистов, эмигрирующих за границу из-за плохих условий работы и жизни. Очевидно, что профессионально это далеко не худшая часть интеллигенции, и ее отток из страны имеет много отрицательных последствий. К сожалению, немалое (неизвестное) число интеллигентов выпадает в социальный осадок, опускается на "дно".

Меняются многие поведенческие, нравственные характеристики интеллигенции. Характер трудовой деятельности и ее образ жизни порождают присущий ей индивидуализм. В советское время и новые социальные корни, и новые формы производства, и характер общественных отношений обусловили развитие у нее коллективистских черт. Сейчас наблюдается и стимулируется усиление духа индивидуализма и корпоративности. Произошла девальвация многих ценностей, в том числе и профессиональных.

Первостепенное значение для судеб России и интеллигенции (они друг от друга неотделимы) имеет вопрос об осуществлении в стране технологической революции. Не удивительно, что в обществе распространяются не только социокультурные, но и социально-инженерные теории будущего России. Авторы как тех, так и других недовольны современным стратегическим курсом, выступают за инновационную парадигму развития страны. Но, в отличие от С.А. Магарила, Е.П. Смирнов, к примеру, даже не упоминает о бюрократии, впрочем, как и об интеллигенции: он работает с понятием "кадры". Автор считает, что Россия стоит перед стратегическим выбором: оставаться объектом дальнейшей колонизации и потерять свои исторические перспективы или найти мощный внутренний ресурс общественного развития. Есть шанс технологического прорыва. Он состоит в смене господствующей технократической парадигмы, которая основана на руководстве и управлении объектом, системой той или иной сложности. "В современных условиях проблема состоит в том, что сфера науки и технологий, равно как и другие сферы общественной жизни, являются объектом управления только в умах управленцев. Сам объект управления настолько не определен, активен, обладает своими целями и бесконечным числом степеней свободы, что даже современный суперменеджер-технократ не способен управлять такой "системой". Новая социально-инженерная парадигма, которая может обеспечить технологический прорыв, должна быть основана не на руководстве и управлении, а на организации, то есть должна предусматривать использование эффективных инструментов соорганизации деятельности участников инновационного процесса" [14]. (Однако организация - одна из функций управления, которое, разумеется, должно совершенствоваться

вместе с изменением своего объекта). В развитии человеческого общества в XX в., по мнению Е.П. Смирнова, есть две ведущие тенденции. Политика большинства развитых государств направлена на укрепление связей науки и промышленности, стимулирование коммерциализации научных разработок и т.д. Причем характер "техногенной цивилизации" и господствующего технотронного сознания таков, что методы науки и проектирования были перенесены на общественную жизнь. Вторая тенденция - исторический процесс становится все более управляемым. (Все сферы общественной жизни стали неуправляемы, а развитие общества - более управляемым?!). Это означает, что общественные изменения происходят не только естественным эволюционным путем, как это было на предыдущих этапах развития человечества, а в значительной мере под влиянием организованных действий активных людей и групп, оснащенных более-менее эффективными инструментами влияния на общество. Считает, что обе тенденции - "выражение инженерного подхода (в широком смысле слова): в первом случае это инженерия, основанная на научных и технических знаниях, во втором, - на различного рода технологиях управления социальными процессами. К концу XX столетия прогресс, достигнутый в области создания инструментария научно-технической инженерии, с одной стороны, и инструментария методологии общественных дисциплин, с другой, позволяет ставить задачу их синтеза и создания адекватных инструментов для работы в объединенной сфере инженерии - научно-технической и социальной".

Критическая проблема для России состоит в том, что еще остающийся "тонкий слой носителей научных знаний и высоких технологий", унаследованных от СССР, быстро сокращается в силу возраста, невостребованности со стороны государства, разрушения научных школ, а только зарождающееся сообщество профессиональных организаторов общественных изменений еще слишком малочисленно и востребовано пока лишь в более динамично развивающихся сферах общественной жизни. "Очевидно, что, если не предпринять специальных и срочных усилий по соорганизации этих, пока практически не пересекающихся, профессиональных сообществ, при текущем развитии событий вырождение собственной научно-технологической сферы России практически неизбежно. И в лучшем случае Россия из категории технологических маргиналов, по классификации Сакса, перейдет в категорию стран, воспринимающих технологии, разработанные в западных странах".

Взгляды Е.П. Смирнова, родственные "технологическому детерминизму", как будто реалистичнее позиции С.А. Магарила, но почти столь же безжизненны. Они тоже из числа проектов, которые ставят задачу осчастливить российский народ без его самостоятельного участия в развитии общества [14]. В начале XX в. Ленин писал, что интеллигенция бессильна при оторванности от реальных интересов и борьбы масс вообще, рабочего класса в особенности. В принципе это положение остается верным и в настоящее время. Главным условием того, что развитие России обретет оптимальную форму, является единство широких слоев интеллигенции и всего народа. Однако содержание связи интеллигенции и масс серьезнейшим образом изменилось. В России нет революционной ситуации. И классы трудящихся, и интеллигенция находятся в очень тяжелом социально-психологическом состоянии. Они не имеют организаций, выражающих их подлинные интересы, разобщены. Нет понимания того, что главным направлением отстаивания народом своих прав и интересов сейчас должна быть экономическая борьба [5]. Не учитываются колоссальные возможности, которые связаны в России с наличием трудовых коллективов, не ведется борьба за коллективную собственность, за объединение энергии трудовых коллективов и предпринимательства на основе коллективной собственности. Массы не втянуты в борьбу за емкий национальный рынок, за перенос центра тяжести с сырьевой ориентации экономики на развитие перерабатывающей индустрии, за решение целого ряда конкретных социально-экономических проблем, без чего интенсификацию экономического и технологического развития России сдвинуть невозможно.

Если экономическая политика в России не претерпит принципиальных изменений и технологическая революция в ней в ближайшие десятилетия не произойдет, то в обществе обострятся антагонизмы, интеллигенция окончательно расколется адекватно основным классам со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если Россия втянется в технологическую революцию, резко возрастет значение науки, культуры, интеллектуальной собственности. Интеллигенция может превратиться в класс, стоящий между высшим классом и пролетарируемым большинством и ориентирующийся на конвергенцию социализма и капитализма [16].

Народ России и ее интеллигенция поставлена в положение пассивной силы, которая используется крупной буржуазией. Это положение необходимо преодолеть. Нацеленность интеллигенции на эту задачу имеет исключительное значение. Как эту нацеленность выработать и реализовать - предмет специального обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробно об этом см. *Беленький В.Х.* История, функции и структура интеллигенции // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего. Материалы к международной научной конференции. Улан-Удэ. 26-27 июня 2003 г. Часть I.
2. *Фуко М.* Интеллектуал в законе // Независимая газета. 2002. 3 октября.
3. *Орехов А.М.* Интеллигенция, интеллектуалы, интеллектуальная собственность // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1. Я лишь касаюсь концепции А.М. Орехова, вызывающей немало сомнений (такова, например, идея собственности на управление); однако в ней есть ряд ценных мыслей и наблюдений, в том числе - процитированное выше.
4. *Орлов Б.С.* Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // Социол. исслед. 2001. № 11.
5. Один из видных исследователей интеллигенции, проф. И.И. Осинский, опровергает версию русского происхождения слова "интеллигенция" и говорит: "Изучение отечественных и зарубежных источников позволяет утверждать, что интеллигенция как социальное явление выходит за национальные рамки. Она как социальная группа является элементом социальной структуры любого цивилизованного общества". Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции: иллюзии и реальность ("круглый стол") // Социол. исслед. 2001. № 11. С. 67-68. См. также: *Рековская И.Ф.* Власть и интеллигенция (Научно-аналитический обзор) // Российские контрасты: социологические исследования 1993-1994 гг. Реферат, сб. М., 1995. С. 51.
6. *Рывкина Р.В.* Драма перемен. 2-е изд. М., 2001.
7. Р. Рывкина во многом повторяет Ю.А. Леваду. См. *Левада Ю.* Интеллигенция // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 128-130.
8. Слова "интеллигенция" и "интеллигентность" имеют общий корень и нередко смешиваются. Однако они далеко не тождественны. Интеллигенция - социальный слой, элемент социальной структуры общества. Интеллигентность - совокупность наиболее существенных характеристик этого слоя. Эти понятия не совпадали и по объему. С одной стороны, значительная часть интеллигенции недостоинственна интеллигентна. Критически относясь к известным идеям А.И. Солженицына об "образованцах", я вовсе не склонен абсолютно их отрицать. С другой стороны, многие черты, присущие интеллигенции, характерны не только для нее. Среди рабочих, крестьян, служащих есть немало эрудированных, деликатных, высоконравственных, активных людей, имеющих библиотеки, увлекающихся коллекционированием, различными видами творчества, ведущих содержательный образ жизни. Вопрос об интеллигентности интеллигенции носит императивный характер. Люди, профессионально занятые в области культуры, творящие культуру, должны быть культурными, интеллигентными людьми.
9. *Магарил С.* Роль социогуманитарной интеллигенции в модернизации России // Общество и экономика. 2002. № 3—4. В статье поставлены в большом количестве самые различные проблемы; при несогласии с автором почти по всем вопросам мы коснемся лишь самых существенных для решения своих задач.
10. *Ваганов А.* Интеллектуальная группа крови // Независимая газета. 2002. 27 ноября.
11. См.: *Беленький В.Х.* Активные элементы социальной структуры общества: социально-философские и социально-политические проблемы. Красноярск. 1977; *Беленький В.Х.* Преобразования в России и народные массы. Красноярск, 2001. Гл. 4.
12. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 6. С. 389.
13. См.: *Беленький В.Х.* Рабочий класс как объект социологического анализа // Социол. исслед. 2003. № 3.
14. *Смирнов Е.П.* Станет ли Россия высокотехнологичной страной? // Независимая газета. 2003. 12 февраля.
15. По словам академика Д.С. Львова, Россия и богата, и бедна. Богатая Россия - примерно в руках 15% населения 85% банковских сбережений; 57% денежных доходов; 92% доходов от собственности и 96% расходов на покупку валюты. Бедная Россия - 85% населения. Имеет лишь 8% доходов от собственности и 15% всех сбережений (Российская газета. 2003. 15 января). Поднимать политическую культуру народа или делать ставку на инженерно-социальный парк без учета этих обстоятельств невозможно.
16. См. *Беленький В.Х.* О парадигме развития России // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 3.